

Функционирование лингвокультуры змея в сказах П. Бажова (К 140-летию со дня рождения)

В статье рассматриваются средства создания лингвокультуры змея в сказах П. Бажова. Цель статьи – показать функционирование традиционного мифо-поэтического зоонима в произведениях писателя. Автор вскрывает истоки обращения Бажова к зоонимическому образу, определяет его место в творчестве художника слова. В статье акцентируется внимание на сущности образа змеи в русской национальной картине мира и восприятии его писателем. Показан двойственный характер образа человека-змеи и его роль в судьбах персонажей сказов Бажова.

Ключевые слова: *национальная картина мира; лингвокультура; зооним; двойственная природа зоонимического образа; жанровая специфика сказа; символика; коннотация*

Elena A. Frolova

Functions of the Linguistic Cultureme *snake* in Bazhov's Tales

(To the 140-th Bazhov's Anniversary)

This article is devoted to the linguistic and cultural means of creating the linguistic cultureme *snake* in Pavel Bazhov's tales. The purpose of the research is to show how this traditional mythological and poetic zoonym functions in the writer's works. The article reveals the origins of Bazhov's appeal to the zoonymic image of snake and determines its role in the writer's literary art. The meanings that this image carries both in the Russian national picture of the world and the writer's perception are discussed in detail. A dual nature of a snake-man is demonstrated, including its role in the lives of Bazhov's characters.

Keywords: *national picture of the world; linguistic cultureme; zoonym; dual nature of the zoonymic character; tale genre specificity; symbolics; connotation*

Одним из традиционных зоонимических образов в сказах П. Бажова (1879–1950) является образ змеи. Об особой роли этого зоонима для писателя говорит, в частности, тот факт, что П. Бажов неоднократно выносит данную языковую номинацию в названия произведений, отводя ей ключевую позицию в своем творчестве, ср.: «Про Великого Полоза», «Голубая змейка», «Две ящерицы», «Змеиный след» и др.

Объединение в рамках одной лингвокультуры языковых единиц змея и ящерица обусловлено тем, что, во-первых, «змеи являются потомками ящериц и по кладистическим принципам (строгим схемам

аргументации при реконструкции родственных отношений между группами) (комментарий наш. — Е. Ф.) тоже могут считаться ящерицами, но условно выделяются в отдельный подотряд» [Ящерицы, Электронный ресурс], а во-вторых, оба зоонимических наименования входят в состав лингвокультурного поля «Животные» и микрополя «Пресмыкающиеся», одновременно включая в понятийную характеристику языковую и внеязыковую информацию, а также создавая словесный образ, воплощающий в художественных текстах определенную эстетическую ценность.

Обращение писателя к образу змеи не случайно. Этот зоонимический персонаж встречается в фольклоре большинства стран мира, выступая символом добра и зла, жизни и смерти. Лингвокультура змея сочетает в себе положительные и отрицательные коннотации, соотносясь с такими концептами, как мудрость и злость, входящими в состав лексико-семантического поля со значением «качества человека».

Раскрывая мифологические представления славян о змее, М.М. Маковский отмечает двойственность их отношения к этому существу. С одной стороны, змея считалась прародительницей всего живого на земле, с другой — воплощением всеобщего

Елена Александровна Фролова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Институт филологии

E-mail: frojlen@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Москва, 119991, Россия

Moscow Pedagogical State University

1/1 Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russia

Ссылка для цитирования: Фролова Е.А. Функционирование лингвокультуры змея в сказах П. Бажова (К 140-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. — 2019. — № 1. — С. 72–75. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-1-72-75.

зла (см.: [Маковский 1996]). Связь образа с зарождением жизни обусловлена этимологией лексемы-зоонима. В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных дана следующая характеристика этого слова:

ЗМЕЯ́... — «пресмыкающееся с удлинённым чешуйчатым телом, не имеющее конечностей, ползучее»... *Прил. змеиный*... Др.-рус. (с XI в.) **змѣя** (в Изб. 1073 г.), **змѣя** (Пов. вр. л. под 6419 г., в повествовании о смерти Олега); чаще **змия** (Срезневский, I, 986)... О.-с. *zmĕja — «земное пресмыкающееся», «ползающий по земле гад». В этом отношении представляет интерес явление раннего переосмысления (уже в XI в.) этого слова под влиянием *земля* : *змля* (Остр. ев. 1056–1057 гг. и др. — Срезневский, I, 986) [Черных 1993, 1: 326].

Негативное отношение к образу связано со смертельной опасностью, которой грозит укус этого животного. Отсюда и параллели между образом и подземным миром, хозяйкой которого змея является.

Словарные дефиниции лексемы *змея* отражают скорее негативное восприятие животного носителями языка. В «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (МАС) выделяются следующие значения:

ЗМЕЯ́... 1. Пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, без ног, обычно с ядовитыми зубами. *Гремучая змея*...

2. О коварном, хитром, злом человеке... *Так зачем же мою голову Ты сгубила, змея лютая?* Колцов, Всякому свой талант.

3. в знач. нареч. **змеёй**. Образует извивы, кольца, зигзаги. *Перевитая лентой густая коса падала змеёй на обнажённую руку.* Тургенев, После смерти...

...**Змею на груди отогреть** (или **пригреть** и т.п.) — проявить заботу, любовь к человеку, оплачивающему в дальнейшем неблагодарностью, предательством [МАС 1981, 1: 615].

Как видно из приведенных толкований, в прямом значении лексемы *змея* актуализируются семы, характеризующие внешний вид животного и особенности его передвижения, но даже в объективно-нейтральном описании обращается внимание на ядовитые зубы животного (косвенно-негативная характеристика). Переносное же — метафорическое — значение содержит открыто отрицательную коннотацию. Негативная семантика свойственна и фразеологическому обороту с зоонимом *змея*.

Обращает на себя внимание достаточно широкий круг однокоренных производных

и производных единиц лексемы *змея*, отмечаемых в указанном словаре: *змей, змий, змейка, змеёныш, змей-горыныч, змеборец, змеборство, змеевидный, змеёвик, змеобразный, змеиный, змеистый, змейковый, змеиться*. Думается, что разнообразие единиц в составе словообразовательного гнезда может служить доказательством значимости образа змеи в национально-культурной картине мира носителей русского языка.

В сказах П. Бажова сохраняется двойственное восприятие лингвокультуры *змея*. Встреча с таинственной змеей — хранительницей золота и других подземных сокровищ — может принести удачу или сломать жизнь человеку. Даже упоминание о голубой змейке способно привести к беде. Так, на сказанные в сердцах слова Марьюшки: «— Чтоб вам самим голубая змейка прикинулась!» — мать сурово грозит: «— Замолчи, дура! Разве можно такое говорить? На весь дом беду накличешь!». А отец, «хотя сильно выпивши был», на вопрос Ланко: «— Тятя, ты видел голубую змейку?» — «даже отшатнулся, потрезвел и заклятье сделал.

— Чур, чур, чур! Не слушай, наша избушка-хороминка! Не тут слово сказано!» («Голубая змейка»)¹.

Создавая образ змеи, П. Бажов объединяет фантастическое, сказочное и реальное, что во многом обусловлено спецификой жанра сказа. Ярким примером этому может служить встреча Степана с Хозяйкой медной горы:

...Глядит, а перед ним на грудке руды у большого камня женщина какая-то сидит. Спиной к парню, а по косе видать — девка. Коса ссиза-черная и не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине. На конце ленты не то красные, не то зеленые. Сквозь светлеют и тонко этак позванивают, будто листовая медь... Девка небольшого росту, из себя ладная и уж такое крутое колесо — на месте не посидит. Вперед наклонится, ровно у себя под ногами ищет, то опять назад откинется, на тот бок изогнется, на другой. На ноги вскочет, руками и замашет, потом опять наклонится. Одним словом, артуть-девка... <...>

А одежда и верно такая, что другой на свете не найдешь. Из шелкового, слышь-ко, малахиту платье. Сорт такой бывает. Камень, а на глаз как шелк, хоть рукой погладить. («Медной горы Хозяйка»).

¹ Здесь и далее тексты Бажова цит. по: Бажов П.П. Малахитовая шкатулка. — М., 2018.

Писатель вводит неопределенное местоимение *какая-то*, подчеркивая таинственность героини. Ее загадочность создается также с помощью возрастной неопределенности (*женщина превращается в деву*). В описании героини объединены человеческий облик и змеиные повадки, а одежда и аксессуары раскрывают ее статус — хозяйка богатств, скрытых под землей. Чтобы показать переменчивость персонажа, П. Бажов использует сопоставительно-противительную конструкцию (*Коса ссиза-черная и не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине*) и повторяющийся разделительный союз *не то — не то*. Неуловимость человека-змеи передана с помощью многочисленных глаголов движения: *наклонится, откинется, изогнется* и др., а также ярких метафор-сравнений: *и уж такое крутое колесо, артуть-девка*.

Сказка и реальность сливаются и при описании Великого Полоза:

И вот подходят к огню двое. Один-то Семеныч, а другой с ним незнакомый какой-то и одет не по-нашенски. Кафтан это на ем, штаны — все желтое, из золотой, слышь-ко, поповской парчи, а поверх кафтана широкий пояс с узорами и кистями, тоже из парчи, только с зеленью. Шапка желтая, а справа и слева красные зазорины, и сапожки тоже красные. Лицо желтое, в окладистой бороде, а борода вся в тугие кольца завилась. Так и видно, не разогнешь их. Только глаза зеленые и светят, как у кошки. («Про Великого Полоза»).

Если Хозяйка медной горы сравнивается у Бажова с воображаемой женщиной, то Великий Полоз сопоставляется с реальным персонажем сказа, что усиливает контрастность изображения. В обоих случаях автор обращает внимание на змеиные элементы в облике зоонимических героев и особенности их одежды, подчеркивающие связь персонажей с подземными кладовыми.

Сопоставление является отличительной чертой сказов П. Бажова. Оно реализуется при создании художественных образов, описании деталей, построении предположений. При этом на приеме сопоставления может строиться как контраст (братья Пантелеи и Костыка в сказе «Змеиный след»), так и сходство персонажей (Лейко и Ланко в сказе «Голубая змейка»).

Загадочность и неуловимость человека-змеи в сказах Бажова обусловлены ситуацией встречи с ним героев произведений. Например, Степан из сказа «Медной горы

Хозяйка» впервые видит малахитницу в полусне («Легли, значит, наши-то на травку под рябиной да сразу и уснули. Только вдруг молодой, — ровно его кто под бок толкнул, — проснулся»), ребята встречаются Великого Полоза ночью в отблесках костра («Про Великого Полоза»), а Ланко и Лейко вызывают голубую змейку с помощью припевки-заговора («Голубая змейка»).

В соответствии с законами сказа как жанра художественной литературы Бажов вводит в текст фантастические превращения персонажей-зоонимов, что связано с двойственной природой лингвокультуремы змея:

Сама тоже на ноги вскочила, прихватила руку за камень, подскочила и тоже, как ящерка, побежала по камню-то. Вместо рук-ног — лапы у ее зеленые стали, хвост высунулся, по хребтине до половины черная полоска, а голова человека. («Медной горы Хозяйка»);

И вот видят ребята — человека того уж нет. Которое место до пояса — все это голова стала, а от пояса шея. Голова точь-в-точь такая, как была, только большая, глаза ровно по гусиному яйцу стали, а шея змеиная. И вот из-под земли стало выкатываться тулово преогромного змея. Голова поднялась выше леса. Потом тулово выгнулось прямо на костер, вытянулось по земле, и поползло это чудо к Рябиновке, а из земли всё кольца выходят да выходят. Ровно им и конца нет. («Про Великого Полоза»).

Писатель изображает процесс трансформации героев глазами контактирующих персонажей. Так, если для Степана превращение малахитницы в ящерку — логическая закономерность (героиня действует, как ящерка, → она сама ящерка), то в восприятии ребят переход незнакомца в змеиный облик — фантастическая феерия. Отсюда и гиперболизм в описании персонажа: использование прилагательных-синонимов со значением 'большой размер' с постепенным усилением ядерной семы (*большая — преогромного*), введение разного рода сравнительных конструкций, характеризующих величину Великого Полоза (*глаза ровно по гусиному яйцу стали; Голова поднялась выше леса*), — гиперболизм, доходящий до беспредельности (*...а из земли всё кольца выходят да выходят. Ровно им и конца нет.*).

Двойственность в сказах Бажова проявляется на разных уровнях художественного текста: ситуация — образ — имя. Рисуя образы персонажей, писатель обыгрывает имена собственные, отступая от

этимологического значения антропонимов. Так, в сказе «Змеиный след» Бажов использует народную форму имени Пантелеймон — Пантелей — для номинации старшего брата:

Старшего-то у них Пантелеем звали. Он пантюхой и вышел. Простяга парень. Скажи — рубаху сымет, другого выручит. («Змеиный след»).

Личное имя *Пантелеймон* имеет греческое происхождение и означает ‘всемиловитый’, ‘совершенство, высшая ступень’ (см.: [Тихонов, Бояринова и др. 1995: 276]), что, с одной стороны, противоречит явно ироничному описанию персонажа, а с другой — отражает всепрощенческую сущность героя (*Хоть слышал про Костыку нехорошо, а все верил — выкупит брат*).

В отличие от Пантелея, младший брат Костыка Рыжий «хитрый... был. У кого с ним дело случалось, говаривали: “У Костыки не всякому слову верь. Иное он и вовсе проглотит”. А подсыпаться к кому — первый мастер. Чисто лиса, так и метет, так и метет хвостом...». Уничительно-пренебрежительная форма антропонима-деминутива приводит в противоречие с его этимологией: *Константин* — лат. ‘стойкий, постоянный’, ‘твердый, постоянный’ [Там же: 209]. Оценочный эпитет в имени собственном обуславливает появление зоонимического сравнения *чисто лиса* и определяет ведущую черту характера персонажа — хитрость.

Встреча с человеком-змеей кардинально меняет судьбу героев сказов Бажова: одним таинственное существо помогает, награждая их за честность, верность и бескорыстие (Андрюха из сказа «Две ящерицы»), других наказывает, ломает жизнь за предательство и жадность (Костыка Рыжий из сказа «Змеиный след»).

По законам жанра сказа персонаж-зооним испытывает героя, прежде чем решить его судьбу. Отгородила *золотым обручем от черной беды* голубая змейка Лейко с Ланком, потому что они *по-хорошему дрались. Не из-за корысти либо жадности, а друг дружку охраняли*. И второе испытание выдержали друзья, задумав хорошее для Марьюшки, исправив то, что *давно на совесть лежало*.

Так и малахитница, испытав Степана, награждает его:

— ...За приказчика тебя похвалила, а за это вдвое похвалю. Не обзавидился ты на мои

богатства, не променял свою Настеньку на каменную девку... <...> Всё будет устроено, и от приказчика тебя вызволю, и жить безбедно будешь со своей молодой женой... («Медной горы Хозяйка»).

Но нет счастья Степану, хоть и «женился он, семью завел, дом обстроил, всё как следует. ...а он невеселый стал и здоровьем хезнул. Так на глазах и таял». И в этом еще одно проявление двойственной сущности лингвокультуры *змея* в сказах писателя.

Таким образом, зоонимический персонаж в сказах П. Бажова выступает вершителем судеб, своего рода божеством. Однако не случайно человек-змея — властитель подземного царства. Есть в змее что-то сатанинское. Потому и «худому с ней встретиться — горе, и доброму — радости мало».

ЛИТЕРАТУРА

Бажов П.П. Малахитовая шкатулка. — М., 2018.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. — М., 1996.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. — М., 1981. — Т. 1: А–Й (МАС).

Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. Словарь русских личных имен. — М., 1995.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — М., 1993. — Т. 1.

Ящерицы [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 06.11.2018).

REFERENCES

Bazhov P.P. Malahitovaja shkatulka [Malachite Box]. Moscow, 2018. (In Rus.)

Makovsky M.M. Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropskikh jazykah: obraz mira i miry obrazov [Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages: Image of the world and the worlds of images]. Moscow, 1996. (In Rus.)

Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]. In 4 vol. Ed. by A.P. Evgenieva. Moscow, 1981, vol. 1: A–Й. (In Rus.)

Tikhonov A.N., Boyarinova L.Z., Ryzhkova A.G. Slovar' russkikh lichnyh imen [Dictionary of Russian personal names]. Moscow, 1995. (In Rus.)

Chernykh P.Y. Istoriko-jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. In 2 vol. Moscow, 1993, vol. 1. (In Rus.)

Jashhericy [Lizards] [Electronic resource]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (access date: 11.06.2018). (In Rus.)